

Гуляки... сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, — не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ,
«Маленькие картинки»

УВЕРЕН, ни один истинный магнитогорец не позволит себе сквернословить прилюдно. Жители нашего города — народ особый, воспитанный на жестких и справедливых традициях первостроителей. Хотим мы того или нет, но традиции эти живут в нас и не могут позволить нам пасть до уровня «пьяного извозчика».

Обратимся к классикам. Даже в кошмарном сне кому-то вряд ли пригрезится, что творчество Ф. Достоевского, И. Тургенева, Л. Толстого и других великих мастеров слова пестрело бы вульгарной матерщиной. Не найдешь подобных пассажей даже в произведениях, описывающих дно общества: ни в «Петербургских тайнах», ни «На дне», ни в «Яме» их творцы не допускали употребления непечатных выражений. Даже в прямой речи.

Стало быть, добропорядочный горожанин, приобретая книгу или собираясь в кино, вправе рассчитывать, что произведение будет художественным или, по крайней мере, без сквернословия. Но зачастую это не так.

В последнее пятнадцатилетие наметилась стойкая тенденция, когда новоиспеченные авторы уподобляются то ли

пьяным извозчикам, то ли обычным хамам, чуть ли не через страницу «украшая» свои «шедевры» вульгарной бранью. Те же, кто еще не успел это сделать, пытаются публично засвидетельствовать свою причастность к «свободному творчеству», радуясь отсутствию цензуры. Оговорюсь сразу, что ни в коем случае не имею в виду местных авторов. По крайней мере, мне подобного рода произведения на глаза не попадались. Эта продукция поступает к нам в киоски «Роспечати», в основном, из столиц.

Известное дело: нынешние защитники «литературной брани» пытаются объяснить свою «точку зрения» ссылками, например, на произведения Баркова, отдельные «вольные» стихи

ЯД — В УШИ

Брань пьяных извозчиков скрыта под красивой обложкой

Коллаж Ирины ЖУРАВЛЕВОЙ.

В нормальном правовом государстве мораль неотрывно связана с правом

Пушкина, Лермонтова. Но почему-то забывают, что произведения классиков, где использовалась ненормативная лексика, никогда не издавались их авторами в отличие от современных, скажем, Алешковских, Довлатовых, да и вовсе не предназначались для публичного распространения, а стали общедоступны лишь благодаря настойчивости исследователей.

Не так давно в Петербургском центре литературы и книги проходил «круглый стол». Писатели обсуждали проблемы сквернословия. Более всего поражает то, что ряд начинающих авторов рьяно защищали свое право сквернословить. Впрочем, на это право никто и не посягает: пишете, что хотите, для себя, но извольте предупредить об этом чи-

тателя, перед тем как он будет «облаготворен» вашим похабством. Удивительно следующее: один из маститых и довольно известных авторов вдруг возопил, что он, дескать, тоже приверженец демократии в творчестве и поэтому у него в одной из книг (посмотрите, черт меня раздери, какой я смелый!) тоже есть заветное матерное словечко — свободу, мол... не задумай!

Не берусь судить, по какой причине на нас свалилась эта эпидемия — то ли от скудомыслия, то ли от дурного воспитания. Апофеозом же ее стало известное заключение некоего «эксперта» в области русского языка, пытавшегося уверить суд, что грязную телебрань Филиппа Киророва, публично оскорбившего женщину, следует расценивать как нечто вроде междометий.

В смысле этических норм, думаю, ясно: их попирают. Но в нормальном

правовом государстве мораль неотрывно связана с правом и, соответственно, должна быть защищена всей силой государственного принуждения.

Существует ли сегодня такая возможность? Думаю, да. Если обратиться, к примеру, к статье 18 закона «О защите прав потребителей», где записано, что граждане вправе рассчитывать на приобретение товаров надлежащего качества, а при несоблюдении названного условия могут потребовать не только расторжения сделки, например, возврата книги в магазин, но и компенсации морального вреда — в данном случае, нравственного дискомфорта, возникшего вследствие прочтения низкопробной книги или просмотра вульгарного кино.

Действительно, велика ли разница от того, каким способом человека напичкали ядом: то ли глотнуть заставили, то ли, как в шекспировском «Гамлете», в ухо накапали? Так же и

с непотребной лексикой: не вижу особой разницы между уличной матерщиной, кинематографической или литературной. Все одно — противно! Правда, в подобном случае можно обратиться с претензией к продавцам, а затем совершенно бесплатно — в суд по месту приобретения товара или по месту жительства.

Интересно, что статьи 14.4 и 14.7 КоАП устанавливают административную ответственность как за продажу недоброкачественных товаров, так и за обман потребителей, совершенный, в частности, путем введения их в заблуждение относительно потребительских свойств товара. Но что-то не видать ни в киосках «Роспечати», ни в книжных магазинах табличек вроде: «Осторожно — секс!» или «Осторожно — сквернословие!» Тем не менее подобные издания продаются практически повсеместно.

Впрочем, как говорится, нет правил без исключений. Недавно в Петербурге рассмотрено, пожалуй, впервые в России судебное дело, касающееся «литературного» сквернословия. Пятнадцатилетняя девочка, польстившись на рекламу книги и красивую суперобложку, купила «шедевр» некоего Б. Седого, выпущенный издательским домом «Нева». Книга была буквально напичкана бранью и непотребством. После того как девочка прочла вышеупомянутое творение, родителям пришлось обращаться за помощью к врачам и психологам. В суде представители издательства пытались оправдаться: мол, во всем виноваты родители, разрешившие покупку. Аргументы издателей суд не убедил, и он решил взыскать в пользу пострадавшей девочки и ее мамы соответственно 2000 и 500 рублей в качестве компенсации за причиненный моральный вред.

Признаться, затрудняюсь в оценке такого решения: с одной стороны, это первая, пусть даже маленькая, победа над сквернословием, однако, с другой... Это выглядит как издевательство над людьми, чьи жизненные идеалы оцены так ничтожно.

Кстати, издательство так и не удалось исполнить решение суда, не заплатив ни копейки.

Олег ХАНДУС,
руководитель городского
литературного объединения
им. Б. Ручьева, сопредседатель
регионального отделения
Союза российских писателей.

Хроника памяти

Посвящается 60-летию Победы

1
Была
В те годы я совсем мала.
Как я запомнить дни войны смогла?
Вот первый день — мои соседи:
Мужчины, женщины и дети —
Вдруг из барака вышли все,
Но на скамью никто не сел,
Теснились молча и угрюмо.
Подумала я: кто-то умер
И скоро
Гроб будут выносить.
Но кто? Из комнаты которой?
Я не осмелилась спросить.
Но вынесли не гроб,
А репродуктор черный,
К столбу повыше привязали,
Чтоб было видно всем. И стали
В него смотреть. Да так упорно,
Как будто слушали глазами.
— Война! Война! — звучало слово,
И люди хмурились сурово.
Одна на всех неожиданная война —
Так начиналась для меня она.

2
Прошел, быть может, месяц.
Соседи вновь все вместе,
Набились в комнату — дверь настежь,
И помню я, Петрова Настя
Кричала.
Как она кричала!
Друзей, родных не узнавала
И похоронкой потянула.
...Одна на всех кровавая война,
Людей косила и в тылу она.

3
Запомнила я комнату другую,
Когда-то светлую такую,
Теперь ободранную, в пятнах...
Солдатка в ней с детьми жила
И так боялась,
Что они осиротеют,
Так этого мучительно ждала,
Как будто даже этого хотела.

4
А дети, дети...
Как было прокормить троих?
Одна без мужа...
О, ужас!
К соседям посылала она их,
За подаяньем.
И от себя соседи отрывали
И — подавали
Из состраданья.
Так и была семья та спасена.
На всех одна Великая война.

5
Еще я вспоминаю день,
Когда, как по команде,
Собравшись вместе снова,
Не говоря ни слова,
Куда-то люди бросились бежать.
И побежала следом
Я — за каким-то дедом
По гравием усыпанной дороге...
Мои босые ноги
Не чувствовали боли:
Бежали с полчасца иль более.
Куда? Мне наконец-то стало ясно —
В центр города, к знаменам красным!
Над головами множества людей
Они издали видны.
Так наступил конец войны, Победы день.

6
И следующий день: я на перроне.
Народу — тьма.
Толпа гудит и стонет.
Ждем поезда, и в нем —
Крепкие огнем
Кто жив остался,
Кто одержал победу.
Счастливые к счастливым едут!

7
А я — как оказалась тут?
Чему так рада?
Кого встречаю я — отца иль брата?
Я братьев не имела.
А мой отец не уезжал,
Не воевал:
Придумали какую-то «броню»,
И всю войну
Я за него краснела:
Как я хотела,
Чтоб и он
Был взят на фронт!
И, как ни странно,
Чтоб был он ранен,
Как отцы моих подружек.
Никак не понимала я тогда,
Что кто-то в военные года
В тылу был, как на фронте, нужен.
Когда же моему отцу
Достался орден, Родиной врученный,
Вдохнула наконец я облегченно
И смело
С тех пор глядела
В глаза своим подругам и знакомым...
И вот не усидела дома,
Отправилась встречать
Отца девчат.

Валентина НЕМОВА

8
Бывают чудеса на свете!
Ведь именно тем детям
С их матерью нерасторопной
Так нужен был отец!
Мы ждали поезда. И наконец
Состав подходит робко...
Толпа берет его в тиски!
Я вижу спины,
Вещмешки.
Один мужчина,
Похожий смутно на кого-то,
В пилотке блеклой,
В грубых сапогах,
К нам пробирается из толчи.
Ручонек взмах —
И — ах!
Три спутницы мои —
(Так это быстро вышло!) —
На нем повисли.
Отца собой закрыли
И жалобно заголосили,
И жаждали они участия...
К ним доброе вернулось счастье!

9
До дома два шага осталось.
Вот подошли.
Солдат устало
На серую скамейку сел.
Из комнат высыпали все!
Соседей узнавал солдат
И обнимал, как брат...

10
Живет во мне, всегда присутствует,
Со мною делится и мыслями, и чувствами
Та сердобольная девочка вездесущая.
Я, взрослая, не смею спорить с ней.
И прошлое все ближе и ясней.